

...И БОЛЬ В ГРУДИ - КАК БУДТО ИГЛЫ ТЁРНА

Поэма

В. С. Сурату, чьи близкие родственники вместе с более чем тремя тысячами луганчан в ноябре 1942 года были расстреляны гитлеровцами и сброшены в противотанковый ров в районе Острой Могилы.

1

Иду.
На клёнах каркают вороны.
Трамваи цокают.
Машины сыто ржут.
От стадиона «Авангарда» -
Оборонной
К Могиле Острой
стелется мой путь.
Туда, где день померкнул
в брызгах красных,
под сапогами - смялись ковыли.
И чувствую следы я тех несчастных,
что под конвоем страшным
здесь прошли.

Они во мне горят огнём пекучим.
Печальной их колонне нет конца.
И льётся дождь.
И нависают тучи.
И жуток ужас каждого лица.

И из колонны рвётся
крик молящий:
- Родная Нюся, доченьку возьми!!.
- Давай!!
Рванулась.
Но удар разящий!
И Нюся на обочине - в грязи!

И боль в груди -
как будто иглы тёрна.
От лютой безысходности дрожу.
И прохожу я с ними
путь их скорбный
и каждым мигом жизни
дорожу.

Дождь перестал. Как из тюремных камер,
на волю хлынул ветра гул стеной.
У рва противотанкового замер,
что вьётся в тёрны лентой роковой.

Из глубины,
отчаянный и вещей,
вошёл в меня укор немых очей.
Я чётко слышу плач детей и женщин
под градом пуль фашистских палачей.

Они стенают, молят о пощаде.
В тернинке икаждой - жгучая слеза.
Но, как оскал зверья до крови жаден,
так неумолчна нелюдей гроза.

Опал травы.
Багровый диск заката
и тот уткнулся в мергель, как слепой.
И падают старушки и девчата
И наполняют целый ров собой!

Кровь. Черепа разбитые детей.
Кормилицы в суглинке без грудей.

Стою у края. Боли многогранно,
как взрывы, в сердце властвуют моём.
И вижу я уже не кровь, а рану,
засыпанную мусора хламьём.

Торчит доски обломок суковато,
как в чью-то грудь воткнутая лопата.

А сквозь неё, сквозь свалку - лица, лица.
Колёса КРАзов их безбожно мнут.
И чувствую, как рана шевелится.
А, может, убиенные встают?!

И вопиют. И к нам взывают свято,
потомков победителей коря:

«Где не прошли и танки супостата -
прошло бездушье ваше, сыновья!

Высоты, кровью взятые и потом -
забвение готово сокрушить.
И чувство вытесняется расчётом.
И пошлость поднимается на щит.

И братства истощаются запасы,
которых столько было - не сломить!
И, как фашисты, грязным, тухлым мясом -
готовы ложью ближнего кормить.

Ворвался культ насилия и тела.
Морали свет теряется вдали.
И, словно палачи после расстрела,
считаете ограбленных рубли!

Не всем на пользу роскошь и богатство.
Свобода иногда - страшнее рабства!...».

Я накаляюсь ужаса вагранкою.
Не повторить бы лет тех роковых!
...Ложится в шрамах
ров противотанковый
венцом терновым
на чело живых.

3

ГОЛОСА:

Подпольщицы Гали Сериковой

Меня казнят.
Вонзился холод грязно
в полунагое тело. Но тепло
мне от того, что гибну ненасправно,
а с верою в поверженное зло!

Матери с грудным ребёнком

Мы падаем под ливнями свинца.
Уже малютки глазыньки остыли.
О, степь родная,
передай отцам,
чтоб нас в житейских буднях
не забыли!

Старика Сурата

Последний в жизни раз
гляжу на небо.
Прощально машет правнукам рука.
- В своих сердцах
растите щедрость хлеба
и солнце не затенят облака!

В себе лелейте Сущего Христа
и будет вечно жизнь ваша чиста!

Всех

Лежим в земле, лишённые мечты.
Живущий,
будь к делам хорошим рьян.
Над нами пусть колышутся цветы,
а не колючий властвует бурьян!

4

...Опять в ушах
и плач стоит, и вой.
О скорбь моя - Луганский Бабий Яр!!
Уразуми, о Господи, того,
кто на костях несчастных
строит рай!